

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ОСОБЕННОСТИ
ЛЕКСИКО – ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ КАК
ДОСТОВЕРНОСТЬ ОПИСАНИЯ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ В
СТИХОТВОРЕНИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО
«Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ»**

Литература и история

Выполнил:

Проскоряков Антон Александрович,
Учащийся 11 «А» класса

Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения средней
общеобразовательной школы №1 г. Нижний Ломов им. Тархова С.Ф.

Руководитель:

Ембулаева Галина Петровна,
Учитель русского языка и литературы
МБОУСОШ№1 г. Нижний Ломов им. Тархова С.Ф.

Цель: изучить особенности лексико – грамматического строя в произведении А.Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом», изучить историю Ржевской битвы для развития чувства патриотизма и гордости за дела своих предков; расширения своих знаний и уважения к русской литературе как хранительнице нравственных основ нации.

Задачи:

1. Изучить учебно – методические материалы по данной теме;
2. Провести исследование Ржевской битвы в годы Великой Отечественной войны;
3. Создать школьный плакат к 75 – летию Победы;
4. Изучить, какое влияние играют выразительные средства в описании боя.

Гипотеза: лексико – грамматический строй в произведении «Я убит подо Ржевом» является своеобразной панорамой для изучения исторического события Великой Отечественной войны.

Актуальность:

Изучение истории Великой Отечественной войны, познание ее через искусство способствует формированию нравственно – патриотических качеств: уважение к истории страны, ее культурным и историческим памятникам, уважение к старшему поколению, к подвигу защитников Отечества; гордость за свой народ, свою Родину.

Этапы исследования:

- подготовительный (изучение литературных источников, выдвижение гипотезы проекта, составление плана выполнения проекта) – январь 2020 – февраль 2020.
- выполнение проекта – март 2020 – май 2020.
- заключительный (обработка полученных результатов, их анализ и обобщение, оформление отчета исследования) – июнь 2020.

Забытая битва

Ржевско-Вяземская операция - завершающая часть Битвы за Москву.[1] Главным результатом декабрьского контрнаступления советских войск была ликвидация непосредственной угрозы столице СССР – Москвы. Но Сталин считал, наступление необходимо развивать, чтобы не дать возможности противнику построить оборонительные рубежи, собрать силы и перейти в новое наступление весной 1942 года.

Ржевская битва 1941-1943 гг. - самая кровопролитная битва за всю историю человечества. И самая замалчиваемая историками. На Ржевском плацдарме стояли 2/3 дивизий армии "Центр" для наступления на Москву. Потери советских войск в боях под Ржевом составили более 2 миллионов человек, вдвое превысив потери в Сталинградской битве. В лесах подо Ржевом погибла 29-я армия. Сам город был превращен в лунный пейзаж. От 40.000 населения города осталось всего 248 человек. После ожесточенной 15-месячной битвы Ржев так и не был взят - немцы сами отошли на заранее подготовленные позиции.

В начале 1942 года, после успешного контрнаступления Красной Армии под Москвой, советские войска подошли к Ржеву. В Ставке Верховного Главнокомандования было принято решение без оперативной паузы продолжать движение вперед с целью завершить разгром немецко-фашистской группы армий "Центр". В рамках Ржевско-Вяземской операции были проведены Сычевско-Вяземская и Торопецко-Холмская операции. Вначале успех сопутствовал Красной Армии. Однако к концу января ситуация резко изменилась. Немецко-фашистское командование спешно перебросило из Западной Европы 12 дивизий и 2 бригады. В результате контрударов 33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус

оказались в окружении, лишь узкий коридор связывал 22-ю, 29-ю, 39-ю армию и 11-й кавалерийский корпус со своими, позднее и он был перерезан.

Так на картах военного времени появился Ржевско-Вяземский плацдарм. Ржевско-Вяземский плацдарм имел размеры до 160 км в глубину и до 200 км по фронту (у основания). Зимой 1942-43 здесь было сосредоточено около 2/3 войск группы армий "Центр". Против этой группировки действовали основные силы Калининского и Западного фронтов".

Со 2 по 12 июля вермахтом была проведена наступательная операция под кодовым названием "Зейдлиц" против соединений Калининского фронта, попавших в окружение. На протяжении многих лет о ней предпочитали не говорить.

Последняя наступательная операция, в ходе которой плацдарм был ликвидирован, называется Ржевско-Вяземской и датируется 2-31 марта 1943 года.

До сегодняшнего дня точно неизвестно сколько жизней стоило освобождение Ржевско-Вяземского плацдарма. Через пятьдесят лет после ликвидации Ржевского выступа вышла в свет книга "Гриф секретности снят"[6] - статистическое исследование о потерях Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. В ней приводятся такие данные:

Ржевско-Вяземская операция (8 января -20 апреля 1942 года):

- безвозвратные потери Красной Армии – 272 320 человек;
- санитарные – 504 569 человек;
- всего – 776 889 человек.

Ржевско-Сычевская операция (30 июля - 23 августа 1942 года):

- безвозвратные потери – 51 482 человека;
- санитарные – 142 201 человек;
- всего -193 383 человека.

Ржевско-Вяземская операция (2-31 марта 1943 года):

- безвозвратные потери – 38 862 человека;
- санитарные – 99 715 человек;
- всего – 138 577 человек.

Во всех трех операциях:

- безвозвратные потери – 362 664 человека;
- санитарные – 746 485 человек;
- всего – 1 109 149 человек.

К безвозвратным потерям отнесены убитые на поле боя, умершие от ран при эвакуации, пропавшие без вести и оказавшиеся в плену, к санитарным - раненые, контуженные, обожженные и обмороженные военнослужащие, которые были эвакуированы из районов боевых действий в армейские, фронтовые и тыловые госпитали. Однако, если принять во внимание, что неизвестно, сколько раненых

вернулись в строй, сколько стали инвалидами, сколько умерли в госпиталях - общая цифра безвозвратных потерь теряет свои конкретные очертания.

Приблизительность данных о потерях на Ржевско-Вяземском плацдарме заключается еще и в том, что многие боевые действия на этом участке фронта остались вне поля зрения военных историков.

Участник этих событий маршал Советского Союза В. Г. Куликов назвал ориентировочную цифру общих потерь Красной Армии на Ржевской дуге - 2 миллиона 60 тысяч человек.

Возле деревни Хорошево в Тверской области 30 июня открылся мемориал Советскому солдату — 25-метровая фигура бойца, распадающаяся снизу на фигуры летящих журавлей. Возводили памятник около года, а на его торжественном открытии присутствовали президенты России и Белоруссии. Путин отметил, что «Ржевский мемориал — еще один символ нашей общей памяти», а Лукашенко сказал, что «как только мы забудем дорогу к этим святым местам, мы обязательно будем воевать».

История создания стихотворения

Александр Трифонович Твардовский знал о войне не понаслышке, сам прошел трудными ее дорогами многие сотни километров. Стихи его, правдивые и суровые, полны исторического оптимизма, веры в неизбежную победу русского оружия. Над стихотворением Твардовский работал в конце 1945 – начале 1946 года. Оно написано на реальной основе.

В небольшой статье «О стихотворении "Я убит подо Ржевом"» автор отметил запавшие в его память два эпизода. Поездка осенью 1942 года под Ржев. Там шли тяжёлые бои. Осложняло положение наших войск страшное бездорожье. "Впечатления этой поездки, – писал Твардовский, – были за всю войну из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце".[3] Запечатлелась также встреча в московском трамвае с офицером-фронтовиком, который приехал на сутки в Москву, чтобы похоронить жену, и должен вновь вернуться на фронт. Он был "такой выкрученный, перемятый, как его потемневшая от многих потов гимнастёрка".

«На передней площадке трамвая – теснота.

-Граждане, зайдите в вагон, нельзя здесь всем.

Какой-то лейтенант, прижатый к боковой решетке, парень с измученным, нервным загорелым лицом, поворачивает голову к одному «штатскому», который едва виден по грудь.

- Ну, вот вы, например, почему вы не на передней? Кто вы такой?

- Я? – И как привычное звание: - инвалид Великой Отечественной войны.

- Инвалид? И я тоже ранен. Но мы сражаемся, а ты тут на передней площадке...

- Ах, ты, дурак, дурак!

- Я дурак? – вскрикнул нервный лейтенант и сделал страшное движение – не то за пистолет ухватиться, не то освободить руку для удара.

Вмешиваюсь.

- Товарищ лейтенант, спокойнее...

- Товарищ подполковник... - В голосе такая боль и решимость, из глаз готовы брызнуть слезы, их только нет, - весь он такой выкрученный, перемятый, как его потемневшая от многих потов гимнастерка.

- Вы в форме, с вас больше спрашивается.

- Ах!.. – Он застонал, отвернулся к бульвару и с невыразимой, какой-то детской горечью и злостью сказал куда-то: - Никогда, никогда я не приеду в эту Москву... Когда я стал сходить, он протиснулся ко мне: - Товарищ подполковник, я из-под Ржева. Я приехал на сутки – хоронить жену. Я завтра должен быть в двенадцать ноль-ноль в батальоне. Извините меня...

Я его должен извинить: хоть бы он меня простил как-нибудь...»

Из записей А.Т. Твардовского[4]:

«В основе стихотворения уже неблизкая память поездки под Ржев осенью 1942 года на участок фронта, где сражалась дивизия полковника Кириллова.

Добирались мы туда с корреспондентом «Известий» К. Тараданкиным, покинув машину в армейском «хозяйстве», сперва верхом по болотному бездорожью, потом пешком, где уже иначе было нельзя. Пришлось и полежать под арталетом вне какого-либо укрытия.

Бои шли тяжелые, потери были очень большие, боеприпасов было в обрез — их подвозили вьючными лошадьми.

Вернувшись в редакцию своей фронтовой «Красноармейской правды», которая располагалась тогда в Москве, в помещении редакции «Гудка», я ничего не смог дать для газетной страницы, заполнив лишь несколько страничек дневника невеселыми записями. <...>

Однако не могу сказать, что стихи «Я убит подо Ржевом...» целиком обязаны своим появлением на свет впечатлениям этой поездки или случаю на передней площадке трамвая. Я был бы рад знать, что этот лейтенант из-под Ржева ныне здравствует, потому что его слова о том, что он «никогда, никогда не приедет в эту Москву» врезались мне в память совсем в другом смысле.

Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы более всего заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбежное ощущение как бы себя в них, а их в себе, — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство... Они составляют, как говорится, пафос и написанного после «Я убит подо Ржевом...» стихотворения «В тот день, когда окончилась война...», и многих других, вплоть до совсем недавних строчек «Из записной книжки»:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе,
Остались там. И не о том же речь,
Что я и мог, но не сумел сберечь,
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...[5]*

Форма первого лица в «Я убит подо Ржевом...» показалась мне наиболее соответственной идее единства живых и павших «ради жизни на земле».

Главный герой произведения - Владимир Петрович Бросалов. Матери Бросалова прислали похоронку, в которой говорилось, что её сын погиб. Однако позднее выяснилось, что Бросалов жив и находится в госпитале имени Н. Н. Бурденко. Этот госпиталь посещал Александр Твардовский. Случилось так, что мать Бросалова показала Твардовскому извещение о смерти сына и рассказала историю, приключившуюся с ними. Прочитав похоронку, Твардовский сказал, что обязательно напишет стихи о боях за Ржев. Вначале произведение имело другое заглавие – «Завещание воина». Конечно же, не только эти факты легли в основу содержания произведения, в нем воплощен богатый опыт поэта, участника финской и Отечественной войн.

Официально о боях подо Ржевом в СССР не упоминалось, информация о человеческих и материальных потерях не печаталась. Поэтому Твардовский чувствовал, что у него остался моральный долг перед павшими на Ржевском выступе. Он должен был рассказать об этих людях.

Особенности лексико – грамматического строя в произведении «Я убит подо Ржевом»

Стихотворение «Я убит подо Ржевом...»[2] написано от лица одного из убитых бойцов. Такой авторский прием необычен и заставляет вчитываться в каждое слово солдатского монолога. Лирический герой скупко сообщает:

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте...
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете...*

Он не жалеет о том, что погиб, и понимает, что даже родная мать никогда не придет на его могилу. Главным для него было отстоять родную землю. Твардовский не ограничил пространство стихотворения территорией рядом с городом Ржевом. Пространство у него расширяется от безымянного болота до города Ржева, рек Волга и Дон, родной страны и всего огромного мира.

В стихотворении присутствует особая связь времён. Погибший воин обращается к будущим поколениям, к нам с вами. Поэтому прошлое здесь неразрывно связано с настоящим и будущим.

Среди средств выразительности мы встречаем здесь эпитеты «горький год», «вечная память», метафоры «фронт горел, не стихая», сравнение «горел, как на теле рубец». Для Твардовского важны не красивые образные фразы, а тот факт, что советские солдаты честно выполнили свой долг и отстояли Отчизну. Лирический герой делает вывод: у погибших советских воинов «есть отрада одна: мы за Родину пали, но она спасена!»

Твардовский дает возможность через мысли и чувства убитого солдата узнать о поражениях и военных успехах. Читатель мысленно восстанавливает, вспоминает ход Великой Отечественной войны. При этом поэт использует местоимения «наш», «ваш», которые становятся важными образными обозначениями. С одной стороны, погибший солдат уже отдален смертной

чертой от живых и для него они находятся по ту сторону смерти («ваши машины», «ваши спины» и т. д.), но с другой — он не может мыслить себя вне

родной земли, вне своих воинов-братьев. Мысленно он с ними, хотя уже не в силах встать рядом. Отсюда: «Наш ли Ржев...», «Удержались ли наши...». Разъединяясь, он тут же объединяется с живыми, хотя и осознает грань между ним и живущим. Получается так, что чувства и мысли убитого воина как бы «перетекают» в живых, становятся их мыслями и чувствами, а живые сохраняют верность тем движениям души, которые звали на битву погибшего героя. Так возникает в стихотворении святое слово «братья», объединяющее всех — и живых, и мертвых, без различий.

Убитый и его товарищи, павшие в боях, передают знамя в руки живых, а живые принимают его, чтобы, в свою очередь, передать другим и чтобы целью этой вечной жизни было счастье «родимой отчизны» и счастье каждого:

Завещаю в той жизни

Вам счастливыми быть

И родимой отчизне

С честью дальше служить.

Обратим внимание на очерковую точность указания места происшедшей драмы: подо Ржевом, в безымянном болоте, в расположении пятой роты, на левом фланге. Психологически достоверны предсмертные ощущения воина:

Я не слышал разрыва,

Я не видел той вспышки, -

Точно в пропасть с обрыва –

И ни дна ни покрышки.

Анафора делает строфу динамичной, что соответствует происшедшему. Удар взорвавшейся мины или снаряда внезапен и сокрушителен, "точно в пропасть с

обрыва". И мелькнувшая в сознании мысль, что всему конец, выражена часто бытующим в военной обстановке фразеологизмом: "И ни дна ни крышишки". Вот и всё!

Повторяющаяся буква "р" (разрыва – пропасть – обрыва – крышишка) имитирует звук, оповещающий о грозящей опасности.

Полна драматизма строфа, сообщающая о месте, где покоится прах погибшего воина. Как это происходит на войне, он зарыт без гроба:

Я – где корни слепые

Ищут корма во тьме;

Я – где с облачком пыли

Ходит рожь на холме...

Анафора усиливает эмоциональность строфы. Выразительны строки "...с облачком пыли // Ходит рожь на холме..." Здесь и богатство звучания, и оригинальность метафоры – "ходит рожь". Необычна рифмовка первой и третьей строк: слепые – пыли.

Герой стихотворения с горечью поведал, что прах убитых разбросан по полям, дорогам, местам проживания людей: «Сестрица всегда рядом».

Я – где крик петушиный

На заре по росе;

Я – где ваши машины

Воздух рвут на шоссе...

И крик петушиный, и грохот машин, и растущая рожь над могилой не совсем подходящие места для захоронения, требующего уединённости и тишины. Строка "На заре по росе" напоминает песенную строку. В слове «ваши» выражена отстранённость, отчуждение погибшего от мира жизненных реалий. Строфа богата аллитерацией (петушиный – ваши – машины – шоссе), передающей шум от скольжения колёс по дороге. Оригинален троп – "машины рвут воздух".

Сдержанно, но не без горечи сказано о неизвестности мест захоронения. Лишь природа оберегает могилы павших:

Где травинку к травинке

Речка травы прядет, -

Там, куда на поминки

Даже мать придет.

Первые две строки напоминают образы народного творчества. Эти строки богато озвучены. Здесь не только внутренняя рифма, но звуковая перекличка строк. Воина больше всего беспокоит, что стало со страной:

Фронт горел, не стихая,

Как на теле рubeц.

Я убит и не знаю,

Наш ли Ржев наконец?

(Наши войска оставили Ржев 14 октября 1941 года, и лишь 3 марта 1943 года город был освобожден. Воин погиб летом 1942 года.)

Удачно сравнение «Фронт горел... как на теле рубец». Оно – то говорит, что герою стихотворения знакома всегда напоминающая о себе боль от неокрепшего еще рубца.[8] По всей вероятности, он был ранен и вновь вернулся в строй. Читанные слова дают представление о тяжелых боях под Ржевом: «Фронт горел, не стихая...».

Ушедший из жизни боец хорошо понимает значение исхода сражения на Дону. Он находит весомые слова, чтобы выразить свою мысль: «месяц был страшен»; «было все на кону».

Невыносимо даже предположение, что к Волге вырвался враг. Поверить в это мучительно трудно:

Нет, неправда. Задачи

Той не выиграл враг!

Нет же, нет! А иначе

Даже мертвому – как?

Волнение передано незавершенными предложениями и трижды повторенным словом нет. И оно звучит как заклинание, как мольба к находящимся в строю бойцам стоять до последнего:

Вы должны были, братья,

Устоять, как стена...

Смириться с мыслью, что выпавшие на долю погибших жертвы напрасны, невозможно:

И у мертвых, безгласных,

Есть отрада одна:

Мы за родину пали,

Но она – спасена.

По своей лексике, напевности эта строфа напоминает народную песню. Неистребимы надежда и вера павших в положительный исход войны. Лишь на миг хотелось бы приобщиться к этой общенародной радости, услышать победные залпы. В них частица ратного труда, «смертью оборванная, // Вера, ненависть, страсть». Как емко выражено, что вело этих людей в бой: Любовь к Родине, ненависть к врагу и убеждение в успешном исходе войны. И в обращении к братьям подведены итоги прожитого:

Наше все! Не слукавили

Мы в суровой борьбе,

Все отдав, не оставили

Ничего при себе.

Напоследок герой стихотворения позволил себе дать несколько советов соотечественникам – победителям. Советы эти проникнуты мудростью и добротой: «беречь... свято» отчизну, «Горевать – горделиво, // Не клонясь головой, // Ликовать – не хвастливо// В час победы самой». В этих строках выражена народная мораль: не пасовать перед трудностями, сохранять чувство достоинства, быть скромным и не зазнаваться.

В последних строках – проявление мудрости воина: беречь Родину – лучшая память о павших в боях:

*...Беречь ее свято,
Братья, счастье свое –
В память воина – брата,
Что погиб за нее.*

Язык героя богат и выразителен. Он хорошо владеет живой разговорной речью, для которой характерны порой отступления от литературных норм. К примеру, «сколько сроку назад», «на поверке выкликают не нас» и другие.

Достоинство стихотворения в психологическом точном выявлении чувств и переживаний героя, в емкости выражений, доведенных порой до афористичности, в музыкальности и напевности отдельных строф, строк, разнообразии рифм. В отдельных строфах рифмуются слова с нетождественными звуками: травинке – поминки; враг – как; братья – проклятье; осени – колесами; свято – брата и другие. Эти рифмы, наряду с обычными, общепринятыми, обогащают звучание произведения.

Все павшие на поле боя сражались за свою Родину. Ее имя и пожелание победы звучали перед смертью. Гибель огромного числа людей не может быть напрасной. Мертвые завещают все свои несбывшиеся надежды, неполученные награды, нерожденных детей тем, кто остался жив. Это священное завещание обязывает живых продолжать борьбу («мертвых проклятье – кара страшна»).

Солдат уверен, что не только состоявшееся сражение, но и все последующие вели только к победе. Он с радостью приветствует «побратимов», которые постепенно продвигаются к западным границам. Главное сожаление героя – невозможность никак выразить свои чувства. Он мечтает о мимолетном воскрешении, чтобы только разделить радость от победы.

Автор стирает грань между мертвыми и живыми. И те и другие стремятся к общей цели. Это единение символизирует величину народного духа, который невозможно сломить.

С годами все острее в стихах Твардовского проявлялась горечь военных утрат. Через 21 год после окончания войны он пишет стихотворение «Я знаю, никакой моей вины // В том, что другие не пришли с войны...», которое заканчивается

строкой: «Речь не о том, но все же, все, все же...» В этом трижды повторенном «все же» - вся неутрачиваемая боль поэта по погибшим.

Цитаты о стихотворении

- «Помню — горы сырого снега, мокрый асфальт, солнце, предчувствие весны... В этот день я познакомился с Александром Трифоновичем Твардовским. К Твардовскому уже в те годы, во времена Литинститута, мы относились, как к классику. И я, конечно, волновался не только от нетерпения узнать свою судьбу, но и от предстоящей встречи с известным поэтом. В домашней библиотеке было две его книги, «Поэмы» и «Книга лирики». Я перечитывал главы из «Тёркина», «Дом у дороги», некоторые лирические стихи любил читать вслух: например, «Я убит подо Ржевом». Признаюсь, это последнее стихотворение, такое скромное и простое, трогало до слез», — Юрий Трифонов, «Записки соседа», 1972 [10]
- «Поезд стоял на какой-то станции, была гроза, молнии сквозь неплотную занавеску освещали купе. А на вокзале что-то объявляли по радио, и вдруг я понял, что это Ржев. Я совсем забыл, что мы должны проехать мимо. И первое, что возникло, — «Я убит подо Ржевом». Это великое стихотворение настолько связано в нашем сознании с этим городом, с этим названием, что уже составляет как бы часть его, часть его славы. Город Ржев знаменит и этим стихотворением, как может быть город знаменит выдающимся человеком или стариннейшим собором. Поезд уже шел вовсю, заглушая грозу, а в голове моей стучало:
*Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом, При жестоком налёте...*
И дальше, — сильнее, чем блоковское «Похоронят, заруют глубоко»!
*Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;
Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе...* — На этом месте у меня всегда перехватывает горло», — Константин Ваншенкин, «Писательский клуб», 1998 [9]
- — Ну вот, я же говорю! — обрадовался Твардовский. — Конечно, такое не совершь. И не выдумаешь. В нем неколебимо и свято было отношение к тому, что пережил народ, вынесший на себе такую войну. А перед теми, кто с войны не вернулся, кто за всех за нас остался там, жило в нем сознание вины живого

перед павшими. Поэтому на отдалении лет, после «Я убит подо Ржевом», после «В тот день, когда окончилась война» написал он «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны...», заканчивающееся пронзительным: «но всё же, всё же, всё же...» Это «всё же...» не одного его сопровождало и сопровождает в послевоенной выпавшей нам жизни. Но только он так сказал за всех.— Григорий Бакланов, «Жизнь, подаренная дважды», 1999 [7]

- — Рассказывал ли вам отец историю создания «Я убит подо Ржевом»? — Он никогда не рассказывал об истоках этого стихотворения. Ни маме, ни мне, ни семье. И не писал об этом открыто, хотя был тогда на Западном фронте, где осуществлялась Ржевско-Вяземская операция – многомесячная и кровавая. В письмах тогда ничего не возможно было рассказать. Цензура не допускала никаких определений географических, местоположения. Полевая почта и все. Это была одна из его поездок в качестве фронтового корреспондента. Отец ездил на разные участки Ржевско-Вяземской операции. Там борьба шла за каждый кусочек земли, каждый отвоеванный кусочек считался победой.— Валентина Твардовская, «История стихотворения», 2018.

Вывод:

Лексико – грамматический строй в произведении «Я убит подо Ржевом» является источником для изучения литературы и истории Великой Отечественной войны. С его помощью можно определить достоверность каждой художественной детали, оказывающей на читателя должное эмоциональное воздействие.

Ожидаемые результаты:

В связи с малой известностью Ржевской битвы большой интерес вызывает стихотворение А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом». А произведение в свою очередь побуждает изучить и само военное событие. Материалы работы могут быть использованы на уроках литературы, истории.

Используемые источники

1. А. М. Малышев «Ржевско-Вяземская битва 1942–1943 годов»
2. А. Т. Твардовский. О стихотворении «Я убит подо Ржевом». Статьи и заметки о литературе. Собрание сочинений в шести томах, том 5. — М.: Художественная литература, 1976-1983 г.
3. А. Т. Твардовский, Рабочие тетради 60-х годов. — М.: «Знамя», № 8-10, 2003г.
4. . А. Т. Твардовский, Рабочие тетради 60-х годов. — М.: «Знамя», № 12, 2001г. — № 1 2002 г.
5. А. Твардовский. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта (большая серия). — Л.: Советский писатель, 1986 г.
6. «Гриф секретности снят» - Издательство "Вече". Серия издается с 2011 года.
7. Г.Я.Бакланов, «Жизнь, подаренная дважды». — М.: Вагриус, 1999 г.

8. И. Каплан «Литература» № 23/2001

9. Константин Ваншенкин «Писательский клуб». — М.: Вагриус, 1998 г.

10. Юрий Трифонов, «Записки соседа» - ЛитМир - Электронная Библиотека 1972